

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-789-809
УДК 811.161.1'37

Научная статья / Research article

Зоны и таксис: локативная семантика русских падежей с позиций современной системной лингвистики¹

А.Ф. Дремов

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
проспект Вернадского, 76, Москва, Российская Федерация, 119454
afdream@bk.ru

В настоящей публикации представлены результаты анализа локативной семантики падежей с позиций современной системной лингвистики, в которой падеж трактуется как формально-грамматическая категория имени, возникающая в русском языке как типичном представителе языков флективного типа в ответ на функциональный запрос языковой системы обеспечить компрессию и формальное выражение содержательной (предикативной, логической) связности первообразного текста, необходимого для исчерпывающего описания события. Зоны (или сферы) объекта — это объективно существующие структурные элементы лица и вещи, наличие которых особенно ярко проявляется, когда эти лица или вещи становятся участниками события, которое в системной лингвистике понимается как совокупность генетически связанных явлений, образующих каузальный цикл. В простом предложении основным средством выражения таксиса, трактуемого как хронология явлений участвующих в событии субъектов и объектов, являются падежи.

Ключевые слова: системная теория падежа и предлога, событие, внутренняя и внешняя зоны объекта, таксис в простом предложении, локативная семантика падежей

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 15.11.2019

Для цитирования:

Дремов А.Ф. Зоны и таксис: локативная семантика русских падежей с позиций современной системной лингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 789—809. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-789-809

---

¹ Современная системная лингвистика — направление отечественного языкознания, методологической основой которого является системология Г.П. Мельникова [1; 2].

© Дремов А.Ф., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 811.161.1'37

Zones and Taxis: Locative Semantics of Russian Cases in Terms of Modern Systems Linguistics

Alexey F. Dremov

MGIMO-University

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

afdream@bk.ru

This paper presents the results of the analysis of locative case semantics from the standpoint of modern system linguistics, in which case is interpreted as a formal grammatical category of a name that arose in Russian as a typical representative of inflecting languages in response to a functional query of the language system to provide compression and a formal content expression (predicative, logical) connectivity of the antiderivative text necessary for an exhaustive description of the event. Zones (or spheres) of an object are objectively existing structural elements of a person and a thing, the presence of which is especially pronounced when these persons or things become participants in an event, which in system linguistics is understood as a combination of genetically related phenomena that form a causal cycle. In a simple sentence, the main means of expressing taxis, interpreted as a chronology of the phenomena of subjects and objects participating in an event, are cases.

Key words: the system theory of a case and preposition, an event, internal and external zones of an object, taxis in a simple sentence, locative semantics of cases

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 15.11.2019

For citation:

Dremov, A.F. (2019). Zones and Taxis: Locative Semantics of Russian Cases in Terms of Modern Systems Linguistics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 789—809. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-789-809

Введение

При описании пространственной семантики падежей исследователь должен в первую очередь решить для себя вопрос о критериях анализа материала, в частности определить, какие из известных ему свойств (признаков) падежей действительно являются релевантными. Понятно, что при этом он, как правило, опирается на свои представления, а равно и на идеи своих предшественников, к числу которых по праву принято относить прежде всего Л. Ельмслева — автора монографии «La catégorie des cas. Etude de grammaire générale» [3], в которой он предложил, по его мнению, универсальную, но в основе своей локалистскую концепцию природы падежного значения как результат сведения к общему принципу «формальной логики и логики языка», получившую у него название сублогической системы (système sublogique) [3. С. 127 и след.].

Содержательное ядро концепции Л. Ельмслева, по-видимому, можно охарактеризовать как попытку инвентаризации всех возможных семантических проти-

вопоставлений падежей. По мнению этого лингвиста, значение любого падежа в любом языке можно представить как комбинацию трех дифференциальных признаков (*trois dimension*): 1) направление (*direction*), обобщающее приближение — покой — удаление (*rapprochement — repos — éloignement*), 2) когерентность — некогерентность (*cohérence — incohérence*)² и 3) объективность — субъективность (*subjectivité — objectivité*), поскольку считал, что значение падежа есть не что иное, как «отношение между двумя объектами» [3. С. 96, 127, 134]³.

Данный подход, безусловно, имеет положительные стороны, но лишь тогда, когда речь идет о локативной семантике падежей, а не об их грамматических функциях.

К числу исследований, в которых был представлен аналогичный подход, следует отнести, во-первых, статью Р.О. Якобсона, опубликованную 1936 г. В ней он предложил использовать следующие три пары дифференциальных признаков: 1) центральный — периферийный, 2) объемный — необъемный и 3) направленный — ненаправленный [4]. А во-вторых, значительную и по объему, и по содержанию работу М.В. Всеволодовой и Е.В. Владимирского, посвященную, правда, не собственно падежам, а способам выражения с их помощью пространственных отношений [5].

В отличие от указанных произведений, в настоящей публикации представлены результаты анализа локативной семантики падежей с позиций современной системной лингвистики (см. труды Г.П. Мельникова), в которой падеж трактуется как формально-грамматическая категория имени, возникшая в русском языке как типичном представителе языков флективного типа в ответ на функциональный запрос языковой системы обеспечить компрессию и формальное выражение содержательной (предикативной, логической) связности первообразного текста⁴, необходимого для исчерпывающего описания события⁵ [6; а также более поздние статьи автора].

Но прежде чем перейти к рассмотрению тех семантических признаков падежей, которые, по нашему мнению, являются значимыми при выражении пространственных отношений и для описания локативной семантики падежей, остановимся на содержании используемых нами терминов.

² Здесь речь идет о четырех «степенях близости» объектов (*le degré d'intimité*), из которых три — это варианты когерентности: 1) «внутри» (*inhérence*), 2) «на поверхности» (*adhérence*), 3) «рядом при наличии контакта» (*adhérence*), и 4) один вариант некогерентности (*incohérence*) — «рядом, но без контакта» (у Р. Раска, на которого ссылается Л. Ельмслев [3: 65], эти степени перечисляются в порядке возрастания близости).

³ «La relation entre deux objets, qui est la signification des cas, peut être conçu par un système d'oppositions logico-mathématiques ou par un système d'oppositions participatives» [3: 127, 96].

⁴ Первообразными текстами мы называем связанные по смыслу речевые произведения, которыми описывались события до формирования в языке падежей и класса переходных глаголов; напр.: 1) *Охотник гасит. Снег гасит. Огонь гаснет*; 2) *Учитель объясняет. Теорема объясняется. Ученики понимают. Теорема понимается* и т.п.

⁵ **Событие** — это имеющая основание, ограниченная в пространстве и времени **совокупность генетически связанных явлений, образующих каузальный цикл**, виток развития. В отличие от события, ситуация — это совокупность условий и обстоятельств явления или события, пространственно-временной фон, на котором разворачивается событие или обнаруживается явление.

Локализация. Поскольку пространство и время суть формы координации существующих объектов и их явлений, заключающаяся в том, что они определенным образом расположены друг относительно друга [7. Т. 4: 392], локализация понимается нами как установление положения (размещения) объекта в пространстве (точнее сказать, в среде), или как определение порядка сосуществования двух объектов в пространстве, а также их явлений во времени⁶. Это значит, что для определения местонахождения какого-л. объекта в пространстве необходимо наличие **реперного объекта**, а для локализации какого-л. явления во времени, в частности нахождения, — наличие **реперного явления**⁷.

Реперный объект — это статичный объект, относительно которого локализуется другой объект, называемый поэтому **локализуемым**. Всякий объект — будь то вещь или живое существо, — характеризуется, по нашему мнению, не только наличием массы, формы и объема, как любое физическое тело, но и наличием своей окрестности. Иными словами, реперный объект — это объект, тело или окрестность которого (напр., *в лесу* — *у леса*) является местом нахождения локализуемого объекта в абсолютном или относительном времени.

Таксис — языковая категория, которая «характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [10. С. 101], «в отличие от времени, характеризующего сообщаемый факт по отношению к факту сообщения» [11. С. 504]. Более развернутое определение таксиса было дано В.С. Храковским: таксис — это функционально-семантическая категория, «которая реализуется в бипропозитивных (и шире полипропозитивных) конструкциях, где различными грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность/неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P_1 относительно другой P_2 , чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т.е. независимо от какой-л. еще ситуации P_n ». Поскольку в системной лингвистике падежи рассматриваются как конституирующие члены простого канонического предложения, которое трактуется как внешняя форма сообщений о событиях, под таксисом нами понимается «внутрисобытийная хронология», т.е. порядок следования явлений участников одного и того же события, определяемый относительно времени действия агенса события как его начала [9. 4. С. 52]⁸. В отличие от времени действия агенса, выражаемого формой

⁶ В словарях (в частности см. [8]) понятие «локализация» имеет, как правило, два толкования: 1) отнесение чего-н. к определенному месту или времени и 2) ограничение распространения какого-н. явления, процесса каким-н. пространственными или временными рамками. Понятно, что второе толкование к локативной семантике падежей отношения не имеет.

⁷ Для локализации во времени какого-л. описываемого события или явления репером, как известно, служит время акта речи: именно с ним соотносится время действия агенса (причины события), которое в свою очередь становится реперным временем для явлений всех других участников события [9: 52].

⁸ Сравнение предложения с «маленькой драмой» принадлежит А. Сеше [12. С. 49], однако популярным оно стало благодаря Л. Теньеру, который писал, что в предложении тоже «обязательно имеется действие, а чаще всего также действующие лица и обстоятельства» [13. С. 117]. Поэтому простое предложение можно сравнивать со сценарием, определяемом в словарях театральной терминологии как «список действующих лиц пьесы с указанием порядка и времени их выхода на сцену». Заметим, кстати, что доскональным знанием сценария события всеми носителями языка обеспечивается антиципация в актах коммуникации. Вот что об этом писал

глагольного сказуемого, таксис в простом предложении выражается имплицитно — падежными флексиями, которые являются сказуемыми свернутых простейших предложений, входящих в состав простого как его члены. Так, например, из сообщения, имеющего форму простого предложения, *Мой коллега посылает своему знакомому статью Веренка* следует, что Веренк (прекурсор⁹ данного события) написал эту статью до начала текущего события, статья на момент начала данного события уже существовала и теперь посылается (пациенс), знакомый моего коллеги (бенефициант) получит ее по прошествии некоторого времени, т.е. в будущем относительно времени текущего действия моего коллеги (агенса). Хронология явлений актантов данного события такова: 0) возникновение основания актуального события (*Веренк написал статью*) → 1) явление агенса — порождение причиной следствия (*Мой коллега посылает статью*) → 2) явление пациенса — возникновение следствия (*Статья посылается*) → 3) явление бенефицианта — возникновение последствия (*Знакомый получит эту статью + Статья будет получена*).

Таким образом, здесь речь идет о таком виде зависимого таксиса, как порядок следования явлений разных участников одного события относительно действия агенса этого события и, разумеется, безотносительно ко времени акта речи, а также, что особенно важно, выражаемого в простом предложении падежами.

Понимание события как совокупности генетически связанных явлений, с одной стороны, а с другой — простого предложения как канонической внешней формы сообщений о событиях и падежей как свернутых простейших предложений дало нам основание утверждать, что падежи, кроме всего прочего, являются формально-грамматическим средством выражения таксиса [9. С. 52].

Зоны (сферы) актанта¹⁰. По мере развития падежной системы, сопровождавшегося развитием переходности и ее видов, т.е. 1) *делать + что*; 2) *делать что +*

Г.П. Мельников: «...Канон внутренней формы языков флективного типа, наиболее последовательно выдерживаемый славянскими языками, а среди славянских — русским, заключается в наличии тенденции по возможности *любое* сообщение представлять через *внешнюю форму канонического предложения*, номинативный смысл которого вписывается в такой канон *внутренней формы*, как *образ развивающегося события*. Поэтому смысловые поля русских лексем, вещественные и грамматические значения морфем, синтаксические связи между словоформами предложения и т.д. — все это обусловлено потребностью дать слушающему возможность без труда догадаться, образ какого развивающегося события имел в своем замысле говорящий, формируя данное высказывание как сообщение в форме канонического предложения» [14. С. 58]. Это значит, что продуценту, когда он сообщает о каком-л. событии реципиенту, нужно лишь назвать «исполнителей ролей» в этой «драме».

⁹ Прекурсором события мы называем обозначаемый родительным актант, главная особенность которого состоит в том, что его явление, предшествуя актуальному событию, создает основание события — предпосылку, необходимую для его возникновения. Например, в событии *Преподаватель читает ученикам басню Эзопа* функцию прекурсора выполняет автор басни — Эзоп, который «сделал» басню и тем самым «сделал» возможным актуальное событие [9].

¹⁰ Мы используем оба эти термина как равноценные и даже взаимодополняющие. Дело в том, что зона, в отличие от сферы, ассоциируется обычно с двумерным пространством, с плоскостью, что прежде всего относится к понятию внешней зоны. Нам же нужно, чтобы словосочетание «внешняя зона» понималось как в исконном смысле слова «зона» («пояс»), так и как сфера, как аналог государственной территории, в понятие о которой включается не только суша, но и воздушное пространство (над ней) и недра (под ней).

кому; 3) *делать что кому + чем*, вследствие возрастания роли падежей имени в сообщении о событии и употребления их вместо соответствующих диатезных конверсивов глагола, называющего действие агенса, осуществлялось поэтапное формирование простого предложения как сложного знака, элементы которого и структура их связей и отношений изоморфно отображают соответствующие компоненты события [16. С. 48—49].

Параллельно с этим в семантике косвенных падежей закреплялось различие форм воздействия агенса (обозначается именительным) на включенные в событие субъекты и объекты. Так, в частности, при взаимодействии с объектом-пациентом (обозначается винительным), действие агенса направляется непосредственно на сам объект, на его тело, т.е. на то, что является его неотчуждаемой (или неотторжимой) принадлежностью. Оказывая воздействие на тело объекта, условно названное нами зоной «быть», агенс сообщает ему определенную форму бытия, «навязывает» ему соответствующее своему действию состояние: отношение между агенсом и пациентом — это отношение «делать → быть», или «причина → следствие»: *агенс льет* → *вода течет/льется*, *агенс гасит* → *костер гаснет/гасится*; *агенс сушит* → *одежда сохнет/сушится* и т.п.). В результате действия агенса пациент либо порождается и существует (*строить дом, писать портрет, ваять бюст Зевса, родить дочь*), либо изменяется (*белить потолок, резать ткань, править текст, варить мясо*), либо уничтожается (*сжигать листву, рушить стену, стирать надпись, убивать врага*), либо воспринимается агенсом, который в этом случае становится также экспериенцером (*ощущать холод, чувствовать запах, терпеть нужду, слышать шум, видеть свет* и т.п.).

Но если в событие включается такой участник, который играет в нем роль бенефицианта¹¹ (получателя результата действия агенса, адресата, реципиента; обозначается дательным падежом), который, как и агенс, является лицом, действие агенса направлено уже не на его тело, а на то, что представляет собой его второе, внешнее «Я», названное нами зоной «иметь»¹², поскольку в нее включается то,

¹¹ Таким «заинтересованным лицом» очень часто является сам агенс [15. С. 49].

¹² Еще А.М. Пешковский обращал внимание на то, что «нет ни одного глагола, требующего дательного падежа, значение которого было бы необходимо связано с физическим воздействием на предмет или хотя бы с прикосновением к нему (при «давании» адресата должна коснуться вещь, которую дают, а не сам дающий...)» [16. С. 300]. Внешняя зона субъекта — это своего рода «буферная зона» между ним и миром, это его так наз. «личное пространство», граница которого проходит примерно на расстоянии вытянутой руки, или та часть среды, находясь в пределах которой, субъект находится «у себя», и все, что находится в этой зоне, является его принадлежностью по естественному праву. Для нас отправным моментом для выделения в составе субъекта и объекта зон «быть» и «иметь» послужили суждения Ю.С. Степанова об «обращении с пространством» людей, воспитанных в разных национальных культурах [17. С. 9, 60], и понятия сопостранственности и несопостранственности, используемые М.В. Всеволодовой и Е.Ю. Владимирским в [5. С. 9—12]. Позднее нам стало известно о возможности разграничения модусов существования «быть» и «иметь» благодаря монографии Э. Фромма «Иметь или быть?» [18]. Примечательно, что в наши дни распространение получает проксемика, основы которой были заложены Эдвардом Холлом, упомянутым в «Семантике» Ю.С. Степанова.

что́ это лицо «имеет», в частности вследствие действия агенса. Воздействуя на внешнюю зону этого актанта, агенс тем самым управляет его поведением, побуждает реагировать на свои действия сообразно своему намерению. Отношение между агенсом и бенефициантом — это иная форма причинно-следственных отношений, а именно «делать → иметь»¹³: *Библиотекарь дает книгу читателю → Читатель берет/получает/имеет книгу; Учитель объясняет правило ученику → Ученик понимает правило; Учитель говорит → Ученик слушает. Экскурсовод показывает памятник экскурсантам → Экскурсанты осматривают памятник* и т.п.

Наконец, в случае взаимодействия с фациенсом (обозначается творительным падежом) целью действия агенса является его функция (действие), которую он выполняет (явный предикат) или может выполнять (диспозициональный предикат) в событии; напр., нож сделан и, как правило, используется для того, чтобы резать колоть, рубить и т.п.; карандаш — для того, чтобы писать, чертить, рисовать, и т.п.; скатерть — для того, чтобы покрывать стол и т.д.¹⁴ Другими словами, воздействие агенса на тело фациенса имеет целью то, что́ «делает» или «может делать» в событии фациенс, — его функциональные связи, или то, что́ предстает как третье «Я» участника события — его сфера «делать» (отношение между агенсом и фациенсом — это отношение «делать → делать»: *Повар режет овощи ножом → Нож режет; Инженер начертил схему карандашом → Карандаш чертил; Мы идем до реки лесом → Лес идет до реки* и т.п.

Это значит, что, воздействуя на соответствующую сферу зависимого лица или вещи, агенс сообразно своим целям и особенностям объекта детерминирует либо 1) его состояние, либо 2) его отношения, либо 3) его функционирование [9. 2. С. 74]. Возникающие при этом связи¹⁵ различаются своим содержанием: при воздействии на пациенс к нему от агенса переносится (переходит) структура, или форма, при воздействии на бенефицианта — вещество (материя), а при воздействии на фациенс — энергия или информация¹⁶.

Отсюда становятся понятными основания закрепления специфики этих трех видов воздействия агенса на других участников события в узуальной семантике винительного, дательного и творительного падежей соответственно.

Таким образом, зона, или сфера, — это объективно существующий структурный элемент субъекта и объекта, обнаруживающийся, когда они становятся участниками события и выполняют в нем функции агенса, пациенса, фациенса, бенефицианта, локуса (хронотопа) или прекурсора.

¹³ Отношение агенса и бенефицианта можно охарактеризовать и как отношение «донор — реципиент».

¹⁴ Это, в частности, позволяет нам говорить, что инструмент, являясь артефактом, в отличие от орудия, каковым может быть любой пригодный для роли фациенса объект, имея заранее заданные утилитарные свойства, представляет собой своего рода овеществленную функцию.

¹⁵ «Любая связь между любыми объектами есть процесс, есть проявление движения как обмена между этими объектами, где обмениваемыми единицами являются элементы определенных глубоких ярусов связанных объектов» [19. С. 35].

¹⁶ Кроме трех материальных сфер, субъект имеет и еще одну — **идеальную**. Поэтому, следуя Декарту, мы можем говорить: «Я **мыслю**, следовательно, я **есть, имею и делаю**».

Выделение в структуре каждого участника события разных зон позволяет, частности, объяснить основные особенности выражения с помощью предложно-падежных сочетаний отношений объектов в пространстве, а равно и таксиса — порядка следования их явлений во времени относительно времени действия агенса.

Так, если какой-л. объект локализуется относительно другого, то его положение определяется не только по отношению к реперному объекту, но и относительно времени действия агенса:

1) нахождение в зоне «**быть**»:

а) **одновременное** с действием агенса — *Дачники гуляют в лесу / на поле,*

б) **после** действия агенса — *Дачники идут в лес / на поле,*

в) **до** действия агенса — *Дачники идут из леса / с поля;*

2) нахождение в зоне «**иметь**»:

а) **одновременное** с действием агенса — *Дачники гуляют у леса / у поля,*

б) **после** действия агенса — *Дачники идут к лесу / к полю,*

в) **до** действия агенса — *Дачники идут от леса / от поля.*

Как мы видим, для предложно-падежных сочетаний первой группы (*в лесу / на поле — в лес / на поле — из леса / с поля*) общим признаком (основанием для сравнения) является то, что ими называется сам реперный объект — его тело, его зона «быть», которая во всех этих трех случаях является **несущей**, а дифференциальным признаком — время нахождения локализуемого объекта в этой зоне (и, как следствие, время контакта с этой зоной), определяемое по отношению ко времени действия агенса (зд. это наст. вр.).

Что касается второй группы (*у леса / у поля — к лесу / к полю — от леса / от поля*), то и для нее общим признаком является нахождение локализуемого актанта в одной и той же зоне реперного объекта, но уже во внешней, в зоне «иметь», а проще говоря¹⁷ — в его окрестности, поскольку именно она в таких случаях является несущей зоной; дифференциальным признаком для данной группы, как и для первой, служит время нахождения локализуемого объекта во внешней зоне, определяемое по отношению ко времени действия агенса.

Вышесказанное можно обобщить, представив в виде таблицы.

Таблица 1 / Table 1

**Зоны локализации и таксис /
Localization Zones and Taxis**

Зона локализации (конкретное место)	Таксис		
	а) одновременность	б) следование	в) предшествование
1) «быть»	<i>в лесу / на поле</i>	<i>в лес / на поле</i>	<i>из леса / с поля</i>
2) «иметь»	<i>у леса / у поля</i>	<i>к лесу / к полю</i>	<i>от леса / от поля</i>

И последнее. **Несущая**, или **опорная**, зона — это та из двух зон реперного объекта, которая в каждом конкретном случае выполняет функцию места локализуемого объекта, на которую воздействует вся или большая часть его массы и которая адекватно реагирует на это воздействие (отношение «локализуемый

¹⁷ Это имеет особое значение для практики преподавания русского языка как иностранного.

объект — локус» эквивалентно отношению «делать → иметь»¹⁸. Это, в частности, значит, что «находиться где-л.» — это не только «занимать место в пространстве» или «быть, существовать, присутствовать, иметься, наличествовать в каком-л. месте», но и оказывать на это место воздействие всей или большей частью массы своего тела и одновременно испытывать на себе реакцию места, чем мы обычно пренебрегаем; ср.: *птица на ветке* и *яблоко на ветке*. В первом случае ветка, выполняющая функцию реперного объекта, является опорой для локализуемого объекта, во втором — подвесом, но и птица, и яблоко находятся именно на ветке и воздействуют на нее, на ее зону «быть», с внешней стороны. Соответственно и функция места — это и «иметь в/на себе», и «поддерживать», испытывая при этом воздействие массы локализуемого объекта.

Для более убедительного обоснования нашего тезиса, что описание локативной семантики русских падежей должно опираться прежде всего на понятия зоны и таксиса, рассмотрим приведенные выше примеры детально¹⁹.

1. Винительный с предлогами *в* и *на*

Если, например, сообщается, что *Дачники идут в лес / на поле* (т.е. не в сторону, не в направлении *леса / поля*, а именно *в лес / на поле*), и это сообщение истинно, то это значит, что по прошествии некоторого времени они будут находиться *в лесу / на поле* и, как следствие, будут контактировать с самим реперным объектом — с его зоной «быть». Намерение (интенция) дачников оказаться *в лесу / на поле* как «намеченном пределе» движения станет действительностью (экстенцией).

Ясно, что цель дачников (агенса данного события и одновременно локализуемого актанта) будет реализована при условии, что с ними по дороге ничего не случится и что они сами не откажутся по каким-л. причинам от своего желания попасть *в лес / на поле*²⁰. То есть, при наличии достаточных условий результатом описываемого события будет нахождение локализуемого актанта в пределах зоны «быть» названного реперного объекта и, как следствие, его контакт именно с этой его зоной — с его телом.

В соответствии со схемой события²¹ образы таких событий репрезентируются следующим образом:

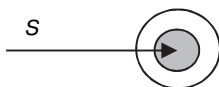

Рис. 1

¹⁸ Именно поэтому на нашей схеме события локус (хронотоп) занимает ту же позицию, что и бенефициант, но в ряду объектов — неодушевленных актанта [20. С. 46].

¹⁹ Мы не рассматриваем здесь нахождение между двумя или несколькими объектами, поскольку не преследуем целью описание видов пространственных отношений или способов их выражения в русском языке.

²⁰ «Все утверждения о будущем носят модальный характер и являются вероятностными» (В.П. Казарян [21]).

²¹ См., напр., [20], а из последних [22. С. 54].

На этом рисунке, который несложно воспроизвести даже мелом на доске, заштрихована внутренняя зона реперного объекта, и в данном случае именно она является, строго говоря, будет являться несущей, функциональной. Символом *S* обозначен локализуемый актант (зд. это субъект-агенс), стрелкой обозначено направление его движения, а линией — путь, в любой точке которого он может находиться в каждый конкретный момент, пока не достигнет намеченного предела.

Структура рассмотренного здесь события, по сути дела, аналогична структуре событий, описываемых такими сообщениями, как *Дачники собирают / жгут листву, Охотник разводит / поддерживает / гасит костер, Прачка стирает белье* и т.п., поскольку в таких событиях агенс воздействует на сферу «быть» пациенса (отношение «агенс — пациенс» эквивалентно отношению «причина — следствие»: «агенс делает — объект есть таков, каково действие агенса»). Оказывая воздействие на тело объекта, агенс сообщает ему соответствующую своему действию форму бытия²²: *жечь* → *гореть, гасить* → *гаснуть, мочить* → *мокнуть, белить* → *белеть, слепить* → *слепнуть, топить* → *тонуть* и т.п.). Основой винительного в высказываниях о событиях называется объект, а флексией сообщается, что он играет в событии роль пациенса — является прямым объектом действия агенса (всякий падеж, в отличие от имени, есть свернутое простейшее предложение — внешняя форма компрессированного сообщения о явлении).

Что касается таксиса, то, напоминая, что явление-причина (действие агенса) и явление-следствие (состояние пациенса) «находятся в отношении „абсолютно раньше — абсолютно позже“, не нарушаемом ни в какой из физически допустимых систем отсчета» [7. С. 373].

Спецификой инвариантного значения винительного падежа («состояние объекта таково, какова его причина») и его внутренней детерминанты («объект в роли пациенса») объясняется то, почему, когда возникает потребность назвать место нахождения в относительном будущем, а точнее — реперный объект, в зоне «быть» которого локализуемый актант окажется в результате своего перемещения в пространстве, в современном русском языке используется именно этот, а не какой-л. другой падеж.

Этим же объясняется, почему сообщение *Дачники идут в лес / на поле* синонимично сообщению *Дачники будут (находиться) в лесу / на поле*. Формально связанное сообщение *Дачники идут в лес / на поле* есть результат компрессии содержательно связанного текста, состоящего из двух сообщений о двух явлениях — *Дачники идут + Лес будет локусом*.

Смысл, выражаемый винительным в сообщениях данного типа, — это образ реперного объекта, в пределах зоны «быть» которого агенс будет находиться по завершении своего движения, т.е. в результате перемещения.

²² «Структура причины воспроизводится в структуре следствия с точностью до изоморфизма» [7. С. 372].

2. Дательный с предлогом к

Если сообщается, что *Дачники сейчас идут к лесу / к полю*, т.е. намеченным пределом их движения, или местом «финиша», является внешняя зона реперного объекта — его окрестность, то это значит, что по завершении движения они будут находиться *у леса / у поля* и неизбежно, или, по выражению Ю.П. Трусова, «с точностью до землетрясения»²³, будут контактировать именно с этой зоной реперного объекта.

В соответствии с упомянутой выше схемой развивающегося события образы таких событий репрезентируются следующим рисунком:

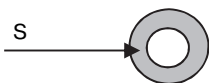

Рис. 2

Смысл, выражаемый дательным в сообщениях данного типа, — это образ реперного объекта, в зоне «иметь» которого агент будет находиться по завершении своего действия, т.е. в будущем по отношению ко времени действия агенса как реперного явления.

На этом рисунке заштрихована внешняя зона реперного объекта, в данном событии именно она является (будет являться) функциональной — несущей.

Сообщение *Дачники идут к лесу / к полю* можно рассматривать как эквивалент двух содержательно связанных сообщений *Дачники идут* + *Дачники будут находиться у леса / у поля*.

Использование дательного для выражения пространственных отношений данного вида обусловлено его инвариантным значением и внутренней детерминантой, т.е. тем, что обозначаемый им актант, играет в событии роль получателя результата действия агенса — бенефицианта, к которому от агенса переносится материя.

Дательный без предлога, как и винительный, выполняет в предложении функцию прямого дополнения (актуализатора ядра ремы — личной формы глагола), соответствующего, однако, особому виду переходности. Действие агенса, называемое глаголами типа «делать» и имеющие следствием реакцию второго лица типа «иметь» (*давать* → *брать*, *посылать* → *получать*, *показывать* → *смотреть*, *говорить* → *слушать*, *объяснять* → *понимать* и т. п.), распространяется, что уже отмечалось, не на тело бенефицианта, а на его внешнюю зону — зону «иметь». В результате такого воздействия происходит изменение именно этой его зоны: «он теперь имеет / будет иметь то, что сделал агент»; например: из сообщения *Дачники дали соседу газонокосилку*, следует, во-первых, то, что газонокосилка теперь «есть дана», а во-вторых, то, что у их соседа теперь есть газонокосилка.

²³ Ю.П. Трусов — основатель и руководитель исследовательского семинара «Основания и конструкции знания» философского общества СССР при АН СССР.

Поэтому в структуре события мы выделяем не только обозначаемое винительным следствие, но и обозначаемое дательным последствие [9. 2. С. 73].

На примере этого падежа можно еще раз убедиться в том, что для понимания смысла, выражаемого в речи каким-л. падежом, достаточно владеть русским языком, но для того чтобы объяснить, почему данный смысл выражается этим, а не другим падежом, необходимо знать не только его внутреннюю детерминанту²⁴, но и его инвариантное значение — внутреннюю форму, а таковой является свернутое простейшее предложение строго определенной семантики [6; 9]. Отрицание наличия у падежа инвариантного значения, не тождественного ни его общему, ни его главному смыслу, есть, по сути дела, отрицание закона достаточного основания.

Всякий падеж имени есть свернутая (имплицитная, «морфологизированная») предикативная единица — простейшее предложение. Основой дательного (тема; подлежащее) называется второй участвующий в событии субъект, а флексией (рема; сказуемое) сообщается его реакция на действие агенса — «имеет». Дательный падеж в высказывании *Дачники дали газонокосилку соседу* соответствует эксплицитному сообщению *Сосед взял, получил («имеет») газонокосилку*.

Таким образом, использование дательного для обозначения реперного объекта, зона «иметь» которого является «намеченным пределом» движения, или местом «финиша», местом нахождения в результате движения, т.е. в будущем по отношению ко времени действия агенса, обусловлено спецификой присущего ему значения и его внутренней детерминанты.

Вышесказанное о винительном с предлогами *в* и *на* и о дательном с предлогом *к* при глаголах движения можно обобщить: местом нахождения в результате движения, может быть либо 1) внутренняя зона реперного объекта — его зона «быть» (*в лес / на поле*), либо 2) его внешняя зона — зона «иметь» (*к лесу / к полю*). Понятно, что в первом случае перемещающийся актант неизбежно будет контактировать с самим реперным объектом, а во втором — с его окрестностью.

Для предложно-падежных сочетаний 1) *в лес / на поле* и 2) *к лесу / к полю* общим признаком (основанием для сравнения) является время нахождения движущегося актанта в указанной зоне — относительное будущее; различаются же они тем, что ими обозначаются разные зоны реперного объекта: «быть» и «иметь» соответственно.

Осуществление намерения агенса (преодоление дистанции, достижение соответствующей несущей зоны реперного объекта и нахождение в ней) в таких сообщениях выражается глаголом совершенного вида: *Дачники пришли в лес / на поле* или *к лесу / к полю*.

В обоих рассмотренных выше случаях временной план действия агенса, выражаемый формой глагольного сказуемого простого предложения (*идут*),

²⁴ Ср. с «главным значением» падежа в Р.О. Якобсон [4. С. 144]

и временной план нахождения в намеченной зоне реперного объекта не совпадают: действие агенса как причина события, вне зависимости от фактического времени этого действия, предшествует нахождению актанта в соответствующей зоне реперного объекта как следствию.

3.1. Родительный с предлогами *из* и *с*

Если дачники сейчас идут *из леса / с поля*, то это значит, что они находились *в лесу / на поле* до начала названного в высказывании действия, т.е. в относительном прошлом, и, естественно, контактировали с самим реперным объектом — с его зоной «быть».

Такие события репрезентируются следующим рисунком:

Рис. 3

Смысл, выражаемый в подобных сообщениях родительным с предлогами *из* или *с*, — это образ реперного объекта, зона «быть» которого являлась местом нахождения локализуемого актанта до начала описываемого события (в таких событиях нахождение предшествует движению).

Сообщение *Дачники идут из леса / с поля* можно рассматривать как эквивалент текста, состоящего из таких высказываний, как *Дачники идут* и *Дачники были в лесу / на поле*.

Системная трактовка значения родительного падежа и его категориального смысла как основания актуального события — его исходного условия, предпосылки [9. 3. С. 73—74] позволяет объяснить, почему в тех случаях, когда возникает потребность назвать явление, объект или событие, отстоящие от актуального в пространстве или во времени (т.е. предшествующие ему), используется именно этот, а не какой-л. другой падеж.

3.2. Родительный с предлогом *от*

Если сообщается, что дачники сейчас идут *от леса / от поля* (а не со стороны леса или поля), то это значит, что они находились во внешней зоне реперного объекта (в его зоне «иметь», в его окрестности) и, стало быть, контактировали с ней еще до начала движения:

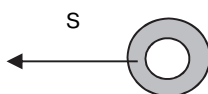

Рис. 4

Смысл, выражаемый сочетанием родительного с предлогом *от* в сообщениях данного типа, — это образ реперного объекта, в зоне «иметь» которого локализу-

емый актант находился в относительном прошлом²⁵, т.е. его нахождение в указанной зоне, а равно и контакт с этой зоной предшествуют актуальному действию агенса.

Сообщение *Дачники идут от леса / от поля* эквивалентно двум более простым, связанным содержательно, но не формально: *Дачники идут. Дачники были у леса/ у поля.*

События, описываемые сообщениями, подобными сообщениям *Дачники идут из леса / от леса*, отличаются от событий, описываемых сообщениями, подобными сообщениям *Дачники идут в лес / к лесу*, как временем нахождения локализуемого объекта в соответствующей зоне реперного объекта (до начала действия и после него соответственно), так и направлением движения локализуемого объекта относительно реперного объекта («первое измерение» в концепции Л. Ельмслева): в первом случае локализуемый объект удаляется от реперного объекта, во втором — приближается к нему). Но если место — это пространственная характеристика объекта, то направление — это пространственная характеристика движения, а это значит, что противопоставление приближения (*rapprochement*) и удаления (*éloignement*) покою (*repos*), а точнее было бы сказать, нахождению (*séjour*) едва ли можно считать вполне корректным.

Использование родительного с предлогами *из/с* и *от* теперь тоже можно обобщить: исходным пунктом движения агенса (или перемещаемого им объекта) является либо 1) внутренняя зона реперного объекта — его зона «быть» (*из леса / с поля*), либо 2) его внешняя зона — зона «иметь» (*от леса / от поля*). Понятно, что в первом случае описываемый актант (агенса или перемещаемый им объект) находился в самом реперном объекте (*идут из леса / с поля; вынимает платок из кармана; берет книгу с полки* и т.п.), во втором — в его окрестности (*идут от леса / от поля; отодвигает шкаф от стены; от пепелища несло гарью* и т.п.).

Примечательно, что в обоих этих случаях функциональные (несущие) зоны реперного объекта обозначаются не собственно родительным падежом, а предлогами — *из / с* и *от* соответственно, что лишний раз свидетельствует о том, что отношения между объектами (как членами отношения) выражаются предлогами, а не падежами.

Таким образом, для предложно-падежных сочетаний *из леса / с поля* и *от леса / от поля* общим признаком, т.е. основанием для сравнения, является время локализации (относительное прошлое); отличаются же эти сочетания друг от друга тем, что ими называются разные несущие зоны — «быть» и «иметь» соответственно.

4. Предложный с предлогами *в* и *на* и родительный с предлогом *у*

Если сообщается, что дачники сейчас гуляют а) *в лесу / на поле* или б) *у леса / у поля*, то самоочевидно, что они находятся а) в пределах внутренней и б) в пределах внешней зоны реперного объекта одновременно со своим действием и, как следствие, контактируют с этими зонами.

²⁵ Понятно, что данное высказывание в другом контексте может служить сообщением о движении локализуемого актанта со стороны леса.

Из таких сообщений с необходимостью вытекает, что на момент действия агенса его нахождение в зоне «быть» или в зоне «иметь» реперного объекта является экстенцией, т.е. оно реально:

Дачники гуляют + Дачники находятся а) в лесу / на поле, б) у леса / у поля.

Рис. 5

Смысл, выражаемый данными предположно-падежными сочетаниями, — это образ реперного объекта, в зоне «быть» или в зоне «иметь» которого агенс находится одновременно со своим действием.

Понятно, что данный вариант пространственных отношений может обнаруживаться также в прошедшем и в будущем, и тогда для выражения этого смыслового содержания будут использоваться надлежащие формы глагольного сказуемого — *гуляли* и *будут гулять*.

Что касается модальности нахождения локализуемого объекта в пределах самого реперного объекта или в его окрестности, то в рассматриваемых случаях она не может не совпадать с модальностью действия агенса.

Таким образом, для предположно-падежных сочетаний а) *в лесу / на поле* и б) *у леса / у поля* дифференциальным признаком является зона локализации, а основанием для сравнения, — время нахождения в указанной зоне, которое в данном случае совпадает со временем действия агенса. Иначе говоря, оба эти явления агенса — синхронны.

Так мы в третий раз приходим к тому, что при локализации одного объекта относительно другого функциональными признаками являются зона и таксис.

Следовательно, «второе измерение» сублогической системы Л. Ельмслева («когерентность — некогерентность»), трактуемое как наличие /отсутствие непосредственного контакта локализуемого объекта с реперным объектом, для русской падежной системы не релевантно²⁶. Нахождение локализуемого объекта в любой

²⁶ Более того, оно не релевантно для средств выражения пространственных отношений вообще. Исчерпывающие, на наш взгляд, разъяснения на этот счет были даны М.В. Всеволодовой и Е.Ю. Владимирским: «Среди сем локативности мы не выделяем сем контактности/неконтактности... Дело в том, что отношения сопостранственности эту сему предполагают, как бы включают в себя, в частности при расположении предмета на одной из поверхностей локума (*на столе, на стене, на полу*). В рамках отношений несопостранственности контактность предполагается при семе заполненности (*от/до самого города поля*), но при семе незаполненности контактность/неконтактность выражается на уровне контекста; ср.: *приблизиться к стене — прислониться к стене*, где в первом случае допускаются уточнители обоих типов: *приблизиться к стене вплотную* (контактность) /*на два шага* (дистантность), что показывает недифференцированность этой конструкции в отношении контактности/неконтактности. Таким образом, сема контактности как бы растворяется в семах сопостранственности и заполненности пространства» [5. С. 15].

зоне реперного объекта имплицитно его контакт с этой зоной, не исключая при этом его контакт со смежной зоной. Но для семантики падежей это не имеет никакого значения. Обратное, кстати сказать, тоже невозможно. Наличие контакта локализуемого объекта с какой-л. из зон реперного объекта не означает его нахождения в этой зоне: напр., чтобы ложки стояли у стены, их нужно либо прислонить к стене, либо воткнуть в снег. Понятно также и то, что для «Девочки на шаре», несущей зоной в структуре шара как реперного объекта служит его зона «быть», хотя при этом девочка контактирует и с его внешней зоной, а площадь контакта ее тела с этой зоной шара в десятки раз больше площади ее контакта с самим шаром. Местом нахождения девочки является шар, а не его окрестность, и не вследствие ее непосредственного контакта с реперным объектом, а вследствие того, что этот объект служит ей опорой.

Вышесказанное означает, что при описании локативной семантики русских падежей во главу угла должны ставиться не привативные оппозиции «наличие контакта — отсутствие контакта» локализуемого объекта с реперным объектом или их «сопространственность — несопространственность», а эквиполентная оппозиция «внутренняя зона реперного объекта — его внешняя зона» и таксис.

Но если от понятий «сопространственность» и «контактность» все же не отказываться, то тогда следует говорить о двух видах «сопространственности» и о двух видах «контактности» — с самим реперным объектом и с его окрестностью, хотя едва ли в этом есть необходимость.

Что же касается таксиса, то синхронность или асинхронность 1) акта речи, 2) действия агенса как реперного явления для 3) нахождения локализуемого актанта в любой из зон реперного объекта можно для наглядности представить в виде матрицы.

Таблица 2 / Table 2

Синхронность/асинхронность акта речи, действия агенса и его локализации / Synchronicity / asynchrony of a speech act, action of an agent and his localization

		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	...	
t_1	—	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	→
t_2	—	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	→
t_3	—	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	→

Стрелки t_1 , t_2 и t_3 символизируют оси времени: t_1 — это так называемое «время жизни» продуцента, t_2 — «время жизни» агенса события, t_3 — «время жизни» реперного объекта.

Точками на t_1 обозначено время акта речи, на t_2 — время действия агенса, определяемое в отношении времени акта речи, а на t_3 — время нахождения локализуемого актанта в пределах любой из зон реперного объекта, определяемое в отношении времени действия агенса²⁷: *Продуцент говорит, что дачники (I) гуляют*

²⁷ В наших примерах агенс одновременно является локализуемым актантом. Тем, что явление может быть не только моментарным, но и интервальным, сейчас можно пренебречь.

в лесу / у леса; (II) идут в лес / к лесу; (III) идут из леса / от леса; (IV) пришли в лес / к лесу; <...> (IX) будут гулять в лесу / у леса.

В качестве еще одного аргумента, подтверждающего наш тезис, что падежи являются формально-грамматическим средством выражение таксиса, приведем пример, которым мы обязаны Г.П. Мельникову.

Общеизвестно, что предлог *с* используется не только с родительным и с творительным падежами, но и с винительным (хотя и значительно реже). Инвариантное значение предлога *с*, по Г.П. Мельникову, — это касание, контакт. Так вот, в высказывании *Он идет с вокзала с чемоданом уже с час* предлогом «с» в сочетании 1) с родительным обозначается контакт агенса с реперным объектом до начала его действия (предшествование), в сочетании 2) с творительным — контакт актантов во время события (одновременность), а в сочетании 3) с винительным — контакт, которого на момент действия агенса еще нет, но который вскоре возникнет (следование)²⁸.

Заключение

В конечном итоге мы приходим к следующему выводу.

При локализации одного объекта относительно другого местом нахождения в прошлом, в настоящем или в будущем по отношению ко времени действия агенса, может быть либо внутренняя, либо внешняя сфера реперного объекта, т.е. либо его тело (зона «быть»), либо его окрестность (зона «иметь»). Формально-грамматическим средством выражения данного смыслового содержания в русском языке являются падежи в сочетании с соответствующими предлогами. А это означает, что описание локативной семантики русских падежей должно опираться прежде всего на такие понятия, как зона и таксис.

Тот факт, что пространственные и темпоральные отношения оказываются выраженными синкретически, по нашему мнению, не означает неспособности различать эти виды отношений, а скорее свидетельствует о понимании неразрывности взаимосвязи пространства и времени.

В качестве заключения остановимся кратко на предложенном Л. Ельмслевом термине «когерентность» и его отношении к семантике русских падежей.

Понятие «когерентность» репрезентируется Л. Ельмслевом двумя другими — ингерентность (*inhérence*: внутрь — внутри — изнутри объекта) и адгерентность (*adhérence*; на поверхность — на поверхности — с поверхности объекта) [3. С. 129—130]. Что касается некогерентности (*incohérence*), то она характеризуется отсутствием контакта локализуемого объекта с реперным. Именно по этой причине оба вида когерентности, с одной стороны, и некогерентность, с другой стороны, понимаются исследователями падежной семантики как «контактность» и «неконтактность».

Выше уже отмечалось, что М.В. Всеволодова и Е.Ю. Владимирский в своей работе, посвященной пространственным отношениям, «выражаемым беспредлож-

²⁸ Мысль К.С. Аксакова, что значение предлогов «находится в них как намек, который становится ясен только при падеже» [23. С. 36—37], Г.П. Мельников считал чрезвычайно важной и всегда обращал на нее внимание в своих лекциях.

ными и предложными формами существительных в русском языке» [5. С. 2—3], показали, что признак «контактность» для семантики русских падежей не релевантен. Действительно, нахождение локализуемого объекта в каком-л. месте, понимаемое нами не только как пребывание в данном месте, но и как воздействие локализуемого объекта на место нахождения всей или большей частью массы его тела, имплицитно его контакт с этим местом, а таковым, как мы это тоже уже неоднократно видели, может быть либо сам реперный объект (его сфера «быть»), либо его окрестность (сфера «иметь»).

Системная трактовка события как совокупности генетически связанных явлений позволяет показать, что участниками события, явления которых действительно когерентны, являются обозначаемый именительным агенс и обозначаемый творительным фациенс: именно фациенс вследствие воздействия на него агенса и одновременно с этим воздействием выполняет в событии функцию, аналогичную функции агенса, поскольку действие, совершаемое этим участником события, почти тождественно действию агенса: (отношение «агенс — фациенс» эквивалентно отношению «делать что-л. → делать»): *Повар режет ножом мясо → Нож режет; Ученик пишет диктант ручкой → Ручка пишет; Лесник рубит дерево топором → Топор рубит; Мы идем до реки лесом → Лес идет до реки* и т.п. [6].

Фациенс — это, как правило, неодушевленный, несамостоятельный актант; его явление есть следствие воздействия на него агенса и одновременно условие²⁹ реализации агенсом его цели, поэтому фациенс включается агенсом в событие уже на первом этапе его развития и остается включенным в него столь долго, сколь долго продолжается действие агенса: нож режет, рубит, царапает и т.п. вследствие того, что человек что-л. режет, рубит, царапает, и только тогда, когда человек это делает; карандаш пишет вследствие того, что человек что-л. пишет, и только тогда, когда человек это делает; вода гасит вследствие того, что человек гасит костер; оркестр играет вследствие того, что дирижер им управляет, и т.п.³⁰ Словом, фациенс «делает» (действует, функционирует) по причине того, что к нему от агенса переносится (переходит) либо 1) энергия, как это имеет место, когда агенс использует какое-нибудь средство, либо 2) информация, как это имеет место в событиях, описываемых глаголами со значением управления, или «руководящего действия» (в терминах Г.А. Золотовой).

В связи с этим хочу особо отметить, что Г.П. Мельников еще на этапе становления системной теории падежа рассматривал творительный как единственный «однородный» с именительным и противопоставил его по этому признаку всем остальным косвенным падежам [1. С. 19].

Спецификой значения морфемы творительного падежа, которое в системной теории падежа формулируется как «*делает то, что делает агенс, и вследствие*

²⁹ «Если причина непосредственно обращена к следствию, то прямое воздействие условий направлено не на следствие, а на причину; они определяют способ действия причины. В природе условий нет того, что само по себе могло бы породить данное следствие или содержало бы возможность такого порождения»²⁹ [7. С. 373]. Условие отличается от причины тем, что последняя обладает «большой производящей активностью» [там же].

³⁰ В сущности, и дорога идет/ведет куда-л. лишь тогда, когда мы по ней идем или едем.

того, что агент это делает», обусловлено использование этого падежа в тех случаях, когда необходимо назвать участника события, явление которого подобно в каком-л. отношении явлению агенса (реже другого актанта), в частности при сравнении (так наз. «творительный уподобления»), а также в пассивных конструкциях и др.; напр.: *Он воет волком* — агент и фациенс «когерентны», «однородны» во время действия *воет*; «*Сизым облаком ты полетишь к родному дому*»; *упал камнем, ходит гоголем, извивается ужом, лежит пластом; хвост кренделем, голова яйцом, брови домиком; вернулся победителем, работает преподавателем, является директором, представился журналистом; избрали Петрова делегатом; сделали козлом отпущения; Пирог пахнет медом; Сад кишит пчелами; Купола сияли золотом; Мы дошли до реки лесом; прошел парком; Полковник наш рожден был хватом; Рисунок сделан сангиной, Луга залило водой* и т.п., о чем уже говорилось в [6; Дремов 2001: 43].

В свете вышесказанного должно быть понятно, почему агент и фациенс на нашей схеме события занимают одну и ту же, первую, позицию [Дремов 1992: 46; 2019: 54] и почему они могут рассматриваться как актаны, явления которых когерентны: агент и фациенс либо а) изначально являются единым целым (*машет рукой, щелкнул пальцами, хлопает глазами, вертит хвостом* — неотчуждаемая принадлежность), либо б) образуют единое целое на время события (*машет платком, щелкнул затвором винтовки, хлопает ставнями, вертит мужем* — отчуждаемая принадлежность).

И последнее замечание. Представленные здесь наблюдения (хотя и в более простом виде) уже не одно десятилетие используются автором в практике преподавания русского языка как иностранного и неоднократно доказывали эффективность системной трактовки основных грамматических категорий русского языка.

Библиографический список

1. Мельников Г.П. Природа падежных значений и классификация падежей. Исследования в области грамматики и типологии языков // Сб. статей. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 39—64 (электронная версия).
2. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / отв. ред. Л.Г. Зубкова. М.: Наука, 2003.
3. Hjelmslev L. La catégorie des cas // Etude de grammaire générale. Aarhus: Universitetsforlaget, 1935—1937.
4. Якобсон Р.О. К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 133—175.
5. Всеволодова М.В., Владимирский Е.В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982.
6. Мельников Г.П., Дремов А.Ф. Уровни связности текста, актуальная предикация и падеж с позиций системной лингвистики. Коммуникативный синтаксис: Сб. науч. тр. / отв. ред. О.А. Крылова. М.: УДН им. П. Лумумбы, 1984. С. 49—70.
7. ФЭ — Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. Т. 4. М.: Большая Советская Энциклопедия, 1960—1970.
8. Крысин Л.П. Словарь иностранных слов. М.: БЭКМ, 2006.
9. Дремов А.Ф. Системная теория падежа и предлога в практике преподавания русского языка как иностранного. М.: Мир русского слова, 2001. no 1—4.

10. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука. 1972. С. 95—113.
11. Бондарко А.В. Таксис // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 503—504.
12. *Sechehaye A. Essai sur la structure logique de la phrase.* Paris, Champion, 1926.
13. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: пер. с франц. / редкол.: Г.В. Степанов (пред.) и др. Вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. М.: Прогресс, 1988.
14. Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадиальной. М.: Изд-во РУДН, 2000.
15. Дремов А.Ф. Модель внутренней и внешней формы русского канонического сообщения. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Выпуск 7 / под ред. В.А. Пищальниковой. М.: МГЭИ, 2004. С. 71—75.
16. Пешиковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956.
17. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989.
18. Фромм Э. Иметь или быть? Пер. с англ. общ. ред. В.И. Добренёва. 2-е изд., доп. М.: Прогресс, 1990 (Б-ка зарубеж. психологии).
19. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Сов. радио, 1978.
20. Дремов А.Ф. Лингвистическая модель как основание сопоставительного описания языков // Вопросы языковых контактов и сопоставительное изучение языков: сб. науч. тр. / под ред. Г.С. Романовой и Г.Г. Тяпко. М.: МГИМО, 1992. С. 43—50.
21. Казарян В.П. Будущее. Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/kazaryan_buduscheye.htm (дата обращения: 12.08.2018).
22. Дремов А.Ф. Понятия простейшего и простого предложения в парадигме системной теории падежа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. no 1. С. 43—62.
23. Аксаков К.С. О русских глаголах. М.: тип. Л. Степановой, 1855.

References

1. Melnikov, G.P. (1980). The nature of case values and the classification of cases In *Studies in the field of grammar and typology of languages*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. pp. 39—64 (electronic version). (In Russ.).
2. Melnikov, G.P. (2003). *System typology of languages: Principles, Methods, Models*, L.G. Zubkova (Ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Hjelmslev, L. (1935—1937). La catégorie des cas In *Etude de grammaire générale*. Aarhus: Universitetsforlaget. (In French).
4. Jacobson, R.O. (1985). To the general theory of the case. The general meaning of the Russian case. Selected works. Moscow: Progress. pp. 133—175. (In Russ.).
5. Vsevolodova, M.V. & Vladimirsky, E.V. (1982). Ways of expressing spatial relations in modern Russian. Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
6. Melnikov, G.P. & Dremov, A.F. (1984). Levels of text connectivity, current prediction and case from the standpoint of systemic linguistics. *Communicative Syntax*, O.A. Krylova (Ed.). Moscow: Universitet druzhby narodov. pp. 49—70. (In Russ.).
7. FE—Philosophical Encyclopedia (1960—1970). In 5 vols. F.V. Konstantinov (Ed.). Vol. 4. Moscow: Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.).
8. Krysin, L.P. (2006). Dictionary of foreign words. Moscow: BECM. (In Russ.).
9. Dremov, A.F. (2001). The system theory of case and preposition in the practice of teaching Russian as a foreign language. Moscow: Mir russkogo slova, 2001. no 1—4. (In Russ.).
10. Jacobson, R.O. (1972). Shifters, verb categories and Russian verb In *Principles of typological analysis of languages of different systems*. Moscow: Nauka. pp. 95—113. (In Russ.).

11. Bondarko, A.V. (1990). Taxis In *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: sovetskaja jenciklopedija. pp. 503—504. (In Russ.).
12. Sechehaye, A. (1926). *Essai sur la structure logique de la phrase*. Paris: Champion. (In French).
13. Tenier, L. (1988). *Fundamentals of structural syntax*, G.V. Stepanov (Transl.), V.G. Gak (Ed.). Moscow: Progress. (In Russ.).
14. Melnikov, G.P. (2000). Systemic typology of languages: synthesis of morphological classification of languages with stadial. Moscow: Publishing House of RUDN. (In Russ.).
15. Dremov, A.F. (2004). A model of the internal and external forms of the Russian canonical message In *Linguistic being of a person and ethnos: psycholinguistic and cognitive aspects*. Issue 7, Pishchalnikova (Ed.). Moscow: Publishing House of Moscow Institute of Physics and Technology. pp. 71—75. (In Russ.).
16. Peshkovsky, A.M. (1956). *Russian syntax in scientific coverage*. Moscow: Uchpedgiz, 1956. (In Russ.).
17. Stepanov, Yu.S. (1989). *Indo-European proposal*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
18. Fromm, E. (1990). To have or to be? V.I. Dobrenkov (Transl., ed.). Moscow: Progress. (In Russ.).
19. Melnikov, G.P. (1978). Systemology and linguistic aspects of cybernetics. Moscow: Sov. radio. (In Russ.).
20. Dremov, A.F. (1992). Linguistic model as the basis for a comparative description of languages. In *Questions of language contacts and comparative study of languages*, G.S. Romanova & G.G. Tyapko (eds.). Moscow: Publishing House of MGIMO. pp. 43—50. (In Russ.).
21. Ghazaryan, V.P. *Future*. URL: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/kazaryan_buduscheye.htm (accessed: 08/12/2018). (In Russ.).
22. Dremov, A.F. (2019). The Concepts of the Simplest and Simple Sentences in the Paradigm of Systemic Theory of Case. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(1) 1, 43—62. (In Russ.).
23. Aksakov, K.S. (1855). *About Russian verbs*. Moscow: L. Stepanov's Publishing House. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Алексей Фёдорович Дремов, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка МГИМО (У) МИД России; e-mail: afdream@bk.ru

Information about the author:

Alexey F. Dremov, PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Russian Department; e-mail: afdream@bk.ru